

АЛЕКСЕЙ КАЛИНИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Повлнутоств и Глушато

Алексей Калинин
Повинуюсь и слушаю

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Калинин А.

Повинуюсь и слушаю / А. Калинин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Однажды я миловалась со своим парнем на скамеечке в парке и даже не подозревала, что нас через пять минут отправят в волшебное путешествие по сказочным мирам. В каждом мире у нас есть всего двадцать пять дней на то, чтобы найти друг друга и заняться любовью. Если не успеем, то будем начинать в новом месте и в новых обличьях. Это обязательное условие для возвращения домой. И всё было бы гладко, и в конце концов мы бы вернулись, но возникли некоторые обстоятельства... Содержит нецензурную брань.

Содержание

История первая, в которой мы с Масудом отправились в волшебное путешествие	5
История вторая, в которой появились эльфы и даже один реальный орк	10
История третья, в которой не все эльфы оказываются одинаково полезны	16
История четвертая, в которой разочарование сменилось ещё большим разочарованием	21
История пятая, в которой напарник может стать помехой	26
История шестая, в которой обольстительный вампир обольщает	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

История первая, в которой мы с Масудом отправились в волшебное путешествие

В воздухе витала любовь. Она блуждала в загогулинах чугунной ограды, которая поясом верности окольцовывала мохнатый островок парка в центре бесстыже-голых улиц города. Черные прутья арматуры переплетались друг с другом в страстной феерии арабского танца.

Острые пики на прутьях имитировали фаллические символы, а черные кольца на секционных трубах напоминали вагинальные. Создавалось ощущение, что пяток заостренных членов выстроились в ряд к одному большому женскому...

И так секция за секцией.

Любовь светилась в глазах сизого голубя, который выпячивал грудь и курлыкал громче трактора «Беларус». Он вытанцовывал перед гладенькой самкой, которая от пуза наклевалась рассыпанных семечек и сейчас находилась в хорошем расположении духа. Голубь ещё не догадывался, сегодня ему не удастся взгромоздить пернатое тело на не менее пернатую плоть.

Любовь также кружилась по пруду в виде маленьких пескарей. Темно-серые торпеды гонялись в прозрачной воде и игриво задевали друг друга пятнистыми плавниками. Их выпустили в пруд недавно, но уже появлялись по вечерам усатые рыбаки, которые старались наловить котам халявной рыбехи. Пока жителей водоема не поймали, они резвились и стремились воспроизвести себя в тысячах мелких икринок.

Любовь виднелась в каждом порыве ветра, когда кряжистый дуб пытался толстыми сучьями навалиться на тонкую рябинку. Та пока ещё не налилась от смущения красными ягодами, но пыталась отбиться от нахала и отчаянно трепетала вытянутыми листочками. Рябина боялась того, что о них подумает старая береза, которая на другом берегу пруда возмущенно шевелила полуоблетевшими сережками-бруньками? Дуб-стервец и ей давно подмигивал желудями.

Любовь витала в воздухе...

Больше всего она воплощалась в нас, когда мы сидели на полускрытой от посторонних глаз скамеечке. Масуд увлеченно шарил под розовым топином, а я запрокинула голову назад и подставляла шею жарким поцелуям. Мои чуть тронутые загаром руки поглаживали мускулистую спину парня.

У нас была ролевая игра – мы играли влюбленную пару. А что? Мы вырвались на свободу и теперь нас ничего не могло остановить...

По крайней мере, я так думала. Но как же я ошибалась...

– Масуд, не надо, увидят же, – сорвалось с моих губ, когда я в очередной раз отодвинула настойчивую руку от коленок.

Масуд не сдавался (любовь же витала в воздухе) и время от времени вытаскивал руку из-под розовой ткани топики, чтобы вновь попытаться запустить под черную ткань юбки. Опыт ему подсказывал, что рано или поздно, но мне надоест отталкивать ищущие пальцы.

Надо быть настойчивей. Не отступать и не сдаваться! Щупать и целовать!

– Постыдились бы! Посреди бела дня такими делами заниматься, – послышался пронзительный женский голос.

– Стыдно, мать, очень стыдно, – Масуд даже не обернулся на голос. – Но знала бы ты – как сладко-о-о.

Я чуть приподняла ресницы и сквозь тонкую щель посмотрела на возмущенную пару. Застыли, как памятник рабочему и колхознице... Благообразная матрона, из тех, кого боятся обвешивать на рынке даже бесстрашные армяне, и сухонький мужичок, из тех, кто трется возле

метро и сшибает мелочь «на проезд». Сейчас лицо дамы покраснело запрещающим сигналом светофора, и она набрала в мощную грудь воздуха, чтобы разразиться гневной тирадой.

Надо срочно что-то предпринимать, а то сбежится на ор народ, и мы будем с позором изгнаны из-под сени деревьев. Может, заколдовать её и пусть молчит до скончания веков? Или попытаться уболтать? Вон как её муж пялится на мои коленки.

– Тетенька, вы не ругайтесь. Хотите, мы поменяемся с вами местами. Вы постоите с Масудом, а ваш муж займет его место, – я продемонстрировала, что будет, если вовремя посещать стоматолога и отбеливать зубы.

– Да я... Да ты... – набранный воздух мешал даме правильно сформулировать мысли.

Могучую грудь распирало, ещё чуть-чуть и произойдет взрыв. Чтобы этого не случилось, она выпустила воздух прочь. Он вышел с таким громким рычанием-курлыканием, что голубь недоуменно оглянулся – кто ещё претендует на его даму сердца?

– Жозефина, а что? Девчонка дело говорит – пусть парнишка постоит, ноги разомнет. Они у него затекли, наверное, – тонким голосом согласился спутник матроны.

– Карл, ты что? Неужели ты хочешь на место этого нахального сопляка? Чего ты так радостно киваешь, Карл? – последнее предложение женщина говорит замогильным голосом.

– Ой, ты не то подумала, Жозефиночка. Это у меня от негодования приступ Паркинсона случился. Сейчас должен прекратиться. Вот, видишь, уже не киваю. Главное – глубоко дышать. А тебе тоже не надо волноваться, Жозефиночка, у тебя же давление, – залепетал порядком струхнувший мужичок.

Глаза Масуда осмотрели стоящих, не нашли ничего интересного и вернулись к более интересному зрелищу, где под топином вызывающе торчали возбужденные бугорки.

– О моем давлении он вспомнил... Так и скажи, что хотел бы оказаться на месте этого бесстыжего мальчишки и пошарить под розовой тряпочкой. Что ты снова киваешь?! – повысила голос матрона.

– Да нет, моё солнышко. Я же опять от негодования, – бормотал мужичок, подобострастно поглядывая на свою благоверную.

– Да? Ну, смотри у меня! – хмурит брови «Жозефиночка».

– Точно, Карл, посмотри у неё, а то туда походу давно никто не заглядывал, – вырвалось у Масуда. – Наверняка всё уже мхом поросло и ржавчиной покрылось.

Пескари в пруду застыли от такой наглости. Дуб забыл о домогательствах к рябине и вытаращил в ужасе желуди. Береза сочувственно поскрипывала. Лишь бесчувственный голубь продолжал попытки соблазнить самочку. А Масуд легонько ущипнул меня за сосок, отчего я притворно ойкнула и ударила его по плечу.

– Ну знаете ли, молодой человек... Я так это дело не оставлю... Мало того, что совокупляются здесь посреди бела дня, так ещё и оскорбляют... Нет! Я сейчас полицию вызову! Я за оскорбление привлеку! Я...

– Значит, будем драться! – угрожающе сдвинул брови Масуд. – До первой смерти. Кто выжил, тот и победил!

– Пойдем, Жозефиночка! Не обращай внимания на этих наглецов. Я уже так унизил взглядом этого хама, что он теперь не скоро опомнится, – подтолкнул под пухлый локоток здравомыслящий Карл. – А вам, молодой человек, должно быть стыдно за свое поведение. Нет-нет, не вставайте – сидите и думайте о своём скверном поведении. Пойдем, Жозефиночка от этих нехороших людей. Ну, не мешкай же.

Ну да, сейчас молодежь такая пошла, что не только обругать могут, но ещё и поколотить. И почему-то бить всегда предпочитают мужчин, хотя Карл здесь совершенно не причем. Ему явно понравилось мое предложение. Правда, он даже под пытками в этом не признается – ему ещё жить с Жозефиной, жить долго и счастливо.

Жена продолжала что-то высказывать мужу, тот снова словил приступ Паркинсона и начал кивать в такт раздраженным словам. Они удалялись, причем мужчина торопился покинуть это прибежище греха гораздо быстрее своей супруги.

Голубь хмыкнул в сторону уходящих людей и снова вернулся к ухаживанию. Его спутница явно намекала, что не прочь прижаться к земле. Мы тоже решили не терять времени. Снова увлажнилась моя шея, снова обнялись его плечи. Дыхание у нас вырывалось шумное, словно в кустах не влюбленная парочка ласкала друг друга, а раздували огонь кузнечные меха.

– А ну пошли отсюда! Вот я вас! – раздался скрипучий голос, и я вздрогнула от неожиданности.

Такая власть слышалась в этом голосе, что даже я, бывшая всемогущая джинния из лампы, чуть не описалась.

Голубь и голубка много повидали в своей короткой жизни, поэтому сразу же сорвались с места. Удар суковатой трости пришелся по асфальту и оставил на горячем покрытии хорошую такую ямку.

Голубь сглотнул, когда представил на месте асфальта свою маленькую головку. Увы, испуганная подруга стартовала с такой скоростью, что угнаться за ней не представлялось возможным. Романтическое настроение выветрилось вместе со свистящим в ушах ветром. Но голубь решил вернуться назад, чтобы отомстить обидчику за разрушенную ячейку голубиного сообщества.

– Вот же поганцы какие, а? Ить прямо на дорожке тыры-пыряться удумали! Эх, ни стыда, ни совести! Начистил бы им клювы, да где теперь споймать-то? О, молодежь, а вы чего в кустах притаились? Деньги штоль считаете?

Если вы видели фильм «Старик Хоттабыч», то сможете представить себе сморщенного старичка, который нелепо размахивает руками при ходьбе и иногда трясет лысой головой. Однако есть одно маленькое «но» – если вы представили себе старичка в светлом парусиновом костюме и в штиблетах на босу ногу, то вы глубоко заблуждаетесь. Куцая борода воинственно вздернута, на тощих плечах красовалась новенькая «косуха», заклепки на кожаных штанах пускали зайчиков при ходьбе. Берцы увешаны цепями и позвякивали при ходьбе. Этакий престарелый байкер, только шлема с рогами не хватает.

– Дед, а у тебя ничего не потеет в кожаных-то? – спросил Масуд, пока я снова отстранила наглуемую руку.

– Дык а чему у меня потеть-то? Одна кожа да кости. А вот подруга, знать, здорово вспотела, пот вон аж по ляжкам течет, – хитро сощурился дед.

– Уважаемый, а не пойди ли тебе на... – от моего тычка под ребра Масуд проглотил окончание. Я сдвинула брови, мол, старость надо уважать. Мой чернокожий спутник покачал кучерявой башкой и продолжил. – Чо вы до нас доебались-то, а? Мы с Гулькой сидим, ни к кому не пристаем, а к нам словно магнитом всех тянет.

– Дык тут дети малые по дорожкам бегают, а у тебя словно банан в штанину засунут. И у неё вон титьченки скоро совсем выскользнут. Не по-людски поступаете, срамно. Ты хоть любишь её?

Вот это вопрос. Мы с Масудом больше тысячи лет в одной лампе ютились – если это не любовь, то тогда непонятно что.

– Люблю, конечно!

– И что же, так при всех свою любимую и разложишь на скамеечке? Как голубь будешь?

– Не доставай, дед, иди своей дорогой. И что же вам таким дома-то не сидится? – рявкнул Масуд.

– Каким это «таким»? – недобро прищурился дед.

– Таким правильным. Этого нельзя, того нельзя. Так не ходи, сяк не ходи. Надоело! Вот раньше было хорошо – захотел бабу трахнуть, схватил, оттащил подальше от дороги, чтобы лошади не затоптали и понеслась. А теперь что?

– Что? – мы с дедом спросили хором.

– Нигде нельзя укрыться, чтобы потом носом не ткнули. В кафе на столе нельзя, под столом нельзя, в туалете и то нельзя – говорят, что негигиенично! Вот и приходится в где попало ютиться. Вон в книжках что пишут – встала пипирка, тут же в гарем сходил и осчастливил одну из тысячи жен. А тут одну осчастливить не можешь – всем себя правильными показать хочется. Заебали! – в сердцах выкрикнул Масуд.

Старик хмыкнул, раздвинул тростью кусты и присел на облюбованную нами деревянную скамейку. С важным видом достал из кармана пачку странных сигарет. Черные стержни торчали из коробки фантастическими пулями из обоймы. Он вытащил одну, поднес палец, на котором тут же вспыхнул огонек, и глубоко затянулся.

У меня холодок пробежался по коже. Кажется, что я начала понимать – кто перед нами. Но моего спутника уже было не остановить...

– Дед, да ты никак решил нам фокусы показать? – поднял бровь Масуд. – Приколотно, конечно, но на фига нам это нужно? Мы и не такое можем сделать, так что дай нам хотя бы чуть-чуть побыть одним?

– Значит, ты думаешь, что раньше с трах-тибидохом было легче? – дед выпустил огромное кольцо. – И вы уже не можете ничего...

Вот надо было бежать... Надо было, но почему-то в тот момент я отнеслась к его словам с недостаточным пониманием.

Кольцо переплыло через кусты и подлетело к березовому суку, чтобы надеться на него, как в игре серсо. Увы, ему это было не суждено сделать – сквозь дымный обруч пролетел сизый крылатый снаряд и с самым мрачным видом уселся на ветку липы над головой старика.

Раздраженный голубь приготовился свершить страшную месть.

– Да, думаю, что легче. Да и интереснее было! Вот поймал какую-нибудь эльфийку в лесу и хлоп – через девять месяцев у неё уже младенчик с острыми ушками. Или при королевском дворе какую-нибудь фрейлину в углу прижал, задрал юбку и почесал её мохнатенький бугорок своим мечом, – улыбнулся Масуд.

Язык его – враг его. Всегда так было и сейчас пришло очередное подтверждение этому факту.

– Ну, судя по тому, что у тебя меч-от до сих пор не опадает, ты бы всех фрейлин переэжымал, – хмыкнул дед и показал на ширинку Масуда.

– Да уж, двадцать пять сантиметров мясной стали так просто не спрячешь.

Я же поглядывала вверх. Голубю был неинтересен размер органа молодого человека – он занимал наиболее удобную позицию для бомбометания.

– Двадцать пять, гришь? Такой дубинкой орехи колоть можно, – покачал головой старик.

– Да уж, дед, можно. Колоть не пробовал, но вот полведра с водой поднимал. А ты, наверное, позабыл, каково это – запускать во влажный тоннель своего путешественника? – спросил молодой наглец.

Голубь выбрал позицию. Теперь он отомстит этому хрычу и пусть тот бестолково размахивает своей тростью – птица будет уже далеко.

– Что же, так тому и быть. Ежели вам нравится число двадцать пять, то есть у меня такая вещица мудреная, – дед достал из-за пазухи плоские песочные часы. – Вот, как раз двадцать пять сантиметров. Видите деления?

– Ну, ты реально фокусник. Или у тебя в косухе целых склад всяких штукювин? – восхищенно присвистнул Масуд, когда увидел, как плоские часы становятся объемными и выпуклыми. Черные полосы чередовались отметинами, как на тельняшке матроса.

Холодок ещё раз пробежал по моей спине. Я узнала часы царя Соломона... Я узнала того, кто перед нами...

Я хотела убежать, закричать, хотя бы моргнуть в ужасе, но ничего не могла сделать. Сидела, как колода, полная меда... А между тем, мой спутник вообще не понимал всего ужаса происходящего.

Вот же шайтан, а ведь мы только-только вырвались из тысячелетней передрыги!

– И я любил и был любим. Любил бы и сейчас, если бы не один мелкий мерзавец, который разрушил нашу семью. Ладно, обо мне неинтересно, было и было. А вот за вашими приключениями я понаблюдаю... Значитца так, вот по этим делениям вы и будете жить. Моя фантазия будет вас забрасывать туда, куда пожелаю...

– Дед, завязывай придуриваться, а то я тебя сейчас самого в пруд заброшу, – прерывал его Масуд.

– У вас будет двадцать пять дней, чтобы спариться. Неважно где, неважно как, но проникновение должно состояться и тогда вы вернетесь. Каждый раз вы будете незнакомы друг с другом. Каждый раз вы будете забывать прошлое. Потянет вас друг к дружке также, как сейчас. А в последние двадцать пять секунд каждого двадцать пятого дня вы сможете всё вспомнить. Я же останусь смотреть на часы и каждый раз, когда песок будет переваливать через определенную черту, буду горестно вздыхать. Если весь песок пересыплется вниз, и вам не удастся вернуться, то что ж... Значит, не судьба. И будете вечно скитаться по мирам и временам. Вот, как-то так.

Мои волосы встали дыбом. Властитель всех джиннов разгневался на нас, а глупый Масуд ещё и подливал горячего в огонь гнева:

– Дед, да тебе бы романы писать, с такой фантазией. Или в дурке Наполеонам сказки рассказывать. Ты чего плетешь? Какие двадцать пять...

Масуд не успел договорить – старик выпустил в нашу сторону клуб сизого дыма. Густой туман обволок нас. В синеватой дымке не проступали даже очертания скамейки. Солнечные лучи стремились пронизать завесу, но неудачно. Ни писка, ни крика. Тишина.

– Вот и посмотрим – так ли хорошо было раньше? И ведь ещё книжки вспомнили. Хорошо, устройю вам путешествие и по книжкам, – пробормотал старик.

Я пыталась закричать, но не смогла. Пыталась вырваться, но не получалось. Моё волшебство словно замерзло и даже самый маленький фокус с исчезновением монетки вряд ли был мне под силу.

Нас засасывало в неизвестность. И это было неприятно. Было больно, страшно и тошно. Царь Соломон, непонятно как оказавшийся в парке, отправил нас в большое путешествие по мирам. А виной всему наша легкая шалость... Мы испарялись...

Надо же такому случиться, что как раз в это время голубь всё-таки осуществил свою месть...

Старик провел рукой по испачканной лысой голове и поднял глаза вверх. Если голуби умели улыбаться, то сейчас с ветки сверкала самая ехидная улыбка.

Вот тебе за обломанный вечер!

– Ах ты, засранец! Ну что же и ты отправляйся вместе с ними – третьим будешь! – старик взмахнул рукой, неведомая сила подняла истошно курлыкающего голубя вверх и швырнула прямо в клубок дыма.

Только орущий голубь скрылся за сизой пеленой, как дым начал исчезать. Лишь тонкая струйка осталась на том месте, где мы сидели. Вскоре растворилась и она. Я видела это краешком меркнувшего сознания.

– Ну что же, начнем наш отсчет, – сказал старик и перевернул чашу весов.

История вторая, в которой появились эльфы и даже один реальный орк

– Траргок победить!!! Нгра-а-а!!! – зеленокожий орк исполинского роста вознес огромную секиру над поверженным эльфом.

Светловолосый мужчина с удлинёнными ушами пытался приподняться, но шлепнулся обратно в ковыль. Чуть поодаль в ужасе застыла тонкая фигурка подруги лежащего мужчины. Она сжалась под кустом вереска и огромными глазами наблюдала за схваткой.

– Траргок скоро тыр-пыр эльфийка! – прорычал орк.

Маленькие глазки монстра торжествующе смотрели на добычу. Мускулы вздувались замшелыми валунами под зеленой кожей, которая цветом напоминала болотный мох. Огромные желтые зубы щерились в злорадной усмешке – он уже предвкушал, как будет развлекаться с боевым трофеем. Он даже сделал пару раз недвусмысленное движение бедрами вперед, намекая на то, что это движение в скором времени повторится... и не раз.

– Не-е-ет!!! – звонко прокричала прекрасная эльфийка.

Ее легкое воздушное платье было порвано и испачкано, над левым глазом наливалась сливовым цветом большая шишка. Орку пришлось разок шлепнуть девушку, чтобы она не убежала. Сама эльфийка едва не сходила с ума от страха. Волосы топорщились во все стороны, как будто её недавно шарахнуло не ладонью по лбу, а молнией по загривку.

В ответ на крик грохнул гром с вершины горы. Огромный орк застыл, услышав звук. Он обернулся на гору Падающих слез. Светловолосый эльф начал понемногу подтягивать ноги к животу.

Вершина горы вздрогнула, и почти с самого верха сорвался огромный валун. По воле судеб его путь пролегал по направлению к замершей троице.

Орк быстро развернулся и протянул руку к эльфийке:

– Траргок уходить и забирать Джулайли. Она стирать мои вещи... А-а-аргн!!!

Эльф выстрелил вверх ногами и попал орку по мужской гордости, скрывающейся за меховой юбкой. Словно выпрямилась сжатая пружина в руках неумелого часовщика. Зеленокожего подбросило в воздух, так велика оказалась сила удара. После головоломного кульбита орк рухнул в пыль с грацией мешка, наполненного дерьмом.

– Никогда Джулайли не будет тебе стирать!!! Да и по женской части тебя уже не заинтересует!!! Прощай, ублюдок! – эльф вскочил на ноги и ударил орка всей мощью своего презрения, то есть взял... и повернулся к нему спиной.

Упавший орк рычал что-то нечленораздельное, кривился и зажимал пах. Ногами он сучил по земле, поднимал клубы пыли, но не мог подняться. Осока колола глаза и орку приходилось щуриться.

Теперь уже пришла очередь светловолосого протягивать руку к подруге:

– Бежим, Джулайли, пока тот огромный валун не стер нас в порошок!

Та бодро вскочила и пронеслась легконогой ланью мимо стоящего эльфа, мимо лежащего и старательно пытящего орка.

– Конечно же бежим, Мирралат! Нас ждет наш дивный лес и чистые озера! Нас ждут друзья, поляны и озера! Нет, про озера я уже говорила! – она ещё продолжала кричать, уносясь все дальше и дальше от места схватки. – Тру-ля-ля, трям-ромашка...

Эльф озадаченно посмотрел ей вслед. Преследовать не имеет смысла – уж очень велика скорость у самой быстрой девушки Призрачных лесов. Поэтому Мирралат горестно вздохнул и сделал то, за что эльфийка вряд ли бы его похвалила – схватил орка подмышки и потащил прочь с пути валуна. В последнюю секунду все-таки выдернул Траргока из-под жуткой смерти.

Здоровенный валун умчался вдаль, оставляя за собой прочерченную неглубокую канаву. Вскоре камень докатился до верескового поля и остановился в ложбине, будто раздумывая – и какого демона он сорвался с привычного места?

– Слышь, Траргок, а ты не сильно её ударил? – поинтересовался эльф, пока орк пытался отряхнуться.

– Нет, не сильно, как договаривались! Через час придет в себя. А ты бы мог и потише лупануть... Гхарр! Как мне теперь в глаза смотреть Мокорре, если ей ночью вдруг приспичит мужниных ласк? Минимум месяц теперь придется гугул в холодной воде отмачивать, – проворчал орк. – Одолел, Мирралат, ты со своими геройскими придумками! С чего ты взял, что эльфиек нужно именно так охмурять? «Напади, а я защищу, и она в благодарность...» Вот не буду больше тебе подыгрывать и всё! Лови их и вырубай сам.

– Да ладно тебе, Траргок, не ворчи! Возьму тебя в месячную вылазку, так что найдем оправдание для Мокорры. Сам у нее про тебя спрошу. Не благодари – друзья для того и нужны, чтобы выручать друг друга, – белозубо улыбнулся эльф.

Орк мрачно посмотрел на него. С таким другом и врагов не надо. Сколько раз Траргок вытаскивал эльфийские острые уши из пикантных ситуаций, когда тому собирались отрубить часть тела, и не всегда этой частью была голова? Орк попытался сосчитать, но пальцев на руках и ногах не хватило.

Взять хотя бы тот случай, когда он вытащил эльфа из публичного дома, где его собирались использовать вместо...

Мирралат продолжил улыбаться:

– Считаешь, сколько раз спасал меня изо всяких передрыг?

– С чего ты взял?

– А у тебя всегда при этом такая глупая рожа. Готов свой лук прозакладывать, что ты сейчас тот случай из публичного дома вспоминаешь.

– Что, тоже на роже написано? – нахмурился орк. – Надо было тебя там оставить, сейчас бы не зубоскалил.

– Нет, не на роже – ты рукой всегда делаешь знак страсти, который был нарисован над дверьми того проклятого места.

Орк недоуменно взглянул на свой кулак – из него оттопыривался средний палец, а безымянный и указательный согнуты в нижних фалангах. Чтобы выйти из этого дурацкого положения, орк начал ковыряться средним пальцем в ухе. Как будто так и задумывалось.

– Ладно, сделаем вид, что ничего этого не было. У меня есть новая задумка.

– Нет, хватит с меня твоих задумок. Я домой хочу. Я к жене хочу! – прорычал орк.

– Да ты только послушай. Путешествующий менестрель Василёк спел недавно балладу в корчме «Три петуха». И в этой балладе говорилось о прекрасной Эслиолине, которая томится в плену дракона. А у дракона много чеканных монет...

– Дракона? Сразу нет! Я боюсь ящериц! – заявил орк. – У меня даже мурашки от них по коже бегают.

– Да послушай ты, чудак-орк! У этого дракона гора несметных сокровищ. Да, многие паладины сложили головы на подступах к его замку, но мы же не паладины. Мы же лучше них, – убеждал эльф. – Мы сходим до замка, потом вернемся обратно с добычей. Мокорра будет только рада. Представь, как ты подаришь её изысканные гномьи украшения, как на её шее будут сверкать рубины и изумруды. Да тебе с такой добычей больше не придется ходить в наемниках. Представь себе, Траргок, всего месяц и ты станешь богаче многих королей!

Орк с понятной нежностью смотрел на эльфа и сжимал кулаки. Как бы объяснить этому эльфу, что его острые уши давно просят хорошей трепки? Как бы не задеть чувственной и ранимой души? Может, двинуть по зубам, чтобы среди частогокола перламутрового гороха образовалась мужественная черная прореха?

– Эй, Траргок, не вздумай! – горным козлом отскочил эльф от сумрачного орка.

– Что, тоже всё на роже написано? – буркнул орк.

– Ага, ты вообще не годишься в разведчики. Тебя даже пытаться не надо – спросишь о чем-либо и ответ сразу на зеленой харе вырисовывается. Эй постой! Не надо меня бить, ведь я путь к обогащению предлагаю. И план у меня уже есть шикарный!

Изящество, с которым эльф увернулся от мощной плюхи, говорило об изрядном опыте. Орк поднял другую руку, чтобы попасть по белым, как снега скалистых взгорий Панадора, волосам.

Сейчас прольется эльфья кровь...

– Да превосходный план, вот если не получится, то я... То я побреюсь налысо! – выкрикнул Мирралат в надежде сохранить красоту своего лица.

Он с облегчением заметил, как дымка мысли омрачила низкий лоб орка. Словно в полную кружку зеленого эля добавили каплю чернил. Оставалось огласить великолепный план и крупное сердце Траргока забьется от жажды наживы.

– Я сам тебя побрею, вот этим рубилом, – кровожадно оскалился орк и похлопал по верной секире. – Рассказывай.

Мирралат сглотнул неизвестно откуда взявшуюся волну слюны. Воображение живо подкидывало картинку экзотической цирюльни, где огромный орк прядь за прядью срезает шелковистые волосы эльфа.

Но дело того стоило!

– Слушай же, мой друг с неизмеримой силой в руках и огромной мудростью между ушей, – этой незамысловатой лестью эльф пытался настроить орка на более благодушный лад. – Замок дракона находится недалеко отсюда, всего в паре сотен перелетов стрелы. Под замком есть город Бунахист. Дракон каждый месяц прилетает туда и закусывает самой симпатичной девственницей. Как раз подходит время очередной кормежки – мы можем воспользоваться тем, что дракон отвлекся на жратву и убьем ящера во время трапезы. Легко и непринужденно. За несколько дней обернемся, а потом три недели сможем не выходить из корчмы. А я ещё и принцессу Эслиолине завоюю. Отдохнем, наберемся сил, искупаемся в лучах славы, и ты вернешься к своей благоверной.

Мрачный взгляд орка говорил о том, что он не в восторге от подобной перспективы. Очень не в восторге. Ну совсем. До такой степени против, что вот сейчас возьмет, развернется и уйдет. Оставались считанные мгновения до поворота.

– А вы с Мокоррой сможете уехать на морское побережье и поселиться там. Заведете деток и будете принимать одного очаровательного эльфа-короля вместе с женой Эслиолине. А ещё мы своих детей отдадим в школу магов, чтобы они ни в чем не нуждались, и не слонялись по пустошам Эвекисила, как их отцы. Отличный же план, Траргок! Соглашайся! Ну? Натяни же на свою зеленую рожу довольную улыбку и кивни.

Словно огромные валуны переваливались под черепной коробкой орка. Эльф почти явственно слышал скрежет – это мысли Траргока старались выстроиться в одну линию и по ним, как по камушкам в ручейке, к языку прыгнул согласный рык.

Если бы Мирралат мог, то рассказал бы ещё о райских куцах меж ног завлекательных женщин в публичных домах Бунахиста. Тамошние соблазнительницы славны тем, что не позволяют острому металлу касаться волос внизу тела. Они даже на ногах не сбивают ни волоска и порой, по мохнатости, превосходят пресловутых хоббитов. Если бы Мирралат мог, то поведал бы о винах, которые пьются легче воды, а пьянят сильнее удара по затылку. И просыпаясь не с полным ртом кошачьих отходов, а с лепестками розы за щекой. Он мог ещё много чего рассказать, но тогда орк застыл бы с разинутым ртом и неизвестно, когда эльфу удалось привести своего друга в порядок.

– Ладно! Но это в последний раз. Если нам ничего не удастся, то я просто тебя убью и буду жить спокойно, – сплюнул орк.

Не такого согласия ожидал эльф, но это лучше, чем ничего. Да и до дракона надо ещё добратся. А там всякие увертки появятся...

Мирралат кивнул:

– Хорошо, друг мой. Отправимся же в путь далекий, и не поссорят нас проблемы на дороге. Чтобы путешествие стало короче, я спою тебе несколько эльфийских песен. Они улаждают твой слух, ведь пою я громко...

– И противно, – вновь сплюнул орк. – А как же зайти к Мокорре?

Эльф представил, что ещё придется умолять жену орка, а эта горячая особа будет всеми руками и ногами против их затеи. Она даже может пустить слезу и дрогнет жестокое сердце Траргока...

– Мы ей посыльного отправим. Сейчас каждая секунда дорога, ведь мы можем не успеть! – взволнованно ответил белобрысый хитрец. – Отправляемся же, дружище! И пусть Боги благословят наш путь!

Орк крикнул от огорчения, но делать нечего – сам такого друга ещё не убил. А надо бы... И давно...

Путь длинный бывает только у хоббитов, которые тащат кольцо Всевластия к горе Ородруин (хотя, могли бы за полдня долететь на орлах). Орк и эльф, переругиваясь по пути, за два дня всё-таки дошли до высоких стен Буанахиста. Причем Траргок несколько раз пытался вернуться обратно, последний раз эльф едва догнал его, когда орк слинял на утренней заре, оставив остроухого посапывать возле потухшего костра.

Стены города были покрыты трещинами, словно лицо древнего старика. Огромные ворота распахнуты по случаю дневного времени. Вялые стражники приняли четыре медяка от странной пары и тут же забыли о них, любясь на приближающийся караван. Вот сейчас будет нажива так нажива.

– Скажите, многоуважаемый страж, – обратился Мирралат к толстенькому стражнику. – А дракон кушать ещё не прилетал?

– Нет, – ответил стражник, не отрывая взгляда от начальника каравана, который по дороге сжеживал в кошелек монетку за монеткой.

– А где та самая прелестница, которая обещана дракону? – не отставал назойливый проходимец с острыми ушами.

– Мил человек, отстань ты от меня, а? Вон на центральной площади домина стоит, туды и шуруй. Не мешай мне нести службу, – стражник вытер о тусклые латы вспотевшие ладони, не отрывая глаз от рук начальника каравана.

– Пойдем, он уже неполученные деньги делит, так что ему не до нас, – буркнул орк.

Серые коробки зданий шурились подслеповатыми окнами на солнце. Такие же серые лица были у горожан, которые старались прошмыгнуть и постоянно втягивали голову в плечи, словно опасались удара.

Благоухания сточных канав вызывали слезы у чувствительной природы эльфа. Пару раз пара путников успешно отпрыгивала от водопадов помоев, которые изредка выливались из верхних окон. Третий раз не успели...

Те выражения, которыми орк поносил невидимого самоубийцу, заставили солнце стыдливо спрятаться за облаком.

Центр города напоминал пустырь, на котором кто-то забыл огромный ночной горшок с выбитым дном. Дома окружали этот «горшок» ровным кругом, словно древние астрологи очерчивали площадь под стать луне. На площади никого не было. В «горшке» одна приоткрытая дверь, и в щель виднелась фигура сидящей девушки со скованными руками.

Орк заметил какое-то движение за створом окна соседнего дома. Его прыжок сделал бы честь любой пантере. Раздался треск, сломанная ставня полетела на грязную мостовую. Жертва, лопухий и давно не мытый мужичок, нервно сучила ногами и дурно пахла.

– Слышь, вонючка, не дергайся! Или я откушу тебе сопливый нос! – рыкнул орк, мужичок начал пахнуть сильнее, но вырываться перестал. Лишь дрожал, как осиновый лист на ветру.

– Дурнопахнущий друг наш, скажи-ка нам одну вещь – почему на площади не видно людей? Из-за дракона? – эльф встал с подветренной стороны.

– Дда, ми-милсдари. Скоро ящер крылатый при-прилетит и схрямкает Параську. Потому все и попрятались по домам, – ответил лопухий мужичок.

– А что же вы не грохните его? Собрались бы городом и завалили зверюгу, – спросил орк.

– Я-ящер сильный. А так... он жрет двенадцать девок в год и защищает город от набегов разных и разбойников лютых.

– Когда он должен прилететь? – поинтересовался эльф.

– На за-закате, – промямлил мужчина.

Эльф поднял глаза. Солнце только-только начало клониться к закату, поэтому у них было ещё достаточно времени, чтобы подготовиться.

– Траргок брось бяку, пока не измазался. Пойдем, посмотримся, да узнаем у девчонки – что и как.

Орк кивнул и зашвырнул мужичка обратно в окно. Там послышался звон, сдавленная ругань и хруст сломанной мебели. Запах исчез вместе с мужчиной.

Шаг за шагом орк и эльф приблизились к странному зданию без крыши. Траргок и Мирралат протиснулись в щель, которую сделали чуть больше. Когда орк открывал дверь, то что-то захрустело на петлях, а после жалобно блюмкнуло. Орк пожал плечами и не придал значения этому звуку. Блюмкнуло и блюмкнуло.

Внутри была утоптанная земля, круглые стены и миловидная девушка, чьи руки скованы тяжелой цепью. Эльф подошел к девушке и тронул её плечо.

Темнорусые волосы падали на плечи, простое серое платье не скрывало, а подчеркивало ладную фигурку. Из-под подола высывались небритые ноги. Красавица, да и только.

Девушка вскинула на эльфа огромные голубые глазищи, посмотрела за его спину и поморщилась:

– Дверь! Держите дверь, иноземцы!

Орк и эльф обернулись одновременно. Дверь из огромных бревен скользнула в пазах, как легкая калитка и преградила выход. Увы, ни бешенная ругань, ни удары могучей секиры не помогали – дверь словно была сделана из стали и не поддавалась даже отточенному металлу.

– Глупцы, – прошептала девушка. – Теперь дракон заберет нас всех. Он забирает всех девственниц, кто окажется в жертвеннике...

Орк продолжал бить в дверь. Он воин и не может просто так сдаться. Он должен победить эти тупые бревна. Эльф же на десяток стуков сердца застыл и потом поднял вверх указательный палец, словно проверял направление ветра. Знающие его спутники после такого знака всегда стремились оказаться подальше от эльфа – это значит, что он задумал какую-то пакость. На счастье эльфа орк этого жеста не видел.

– Помоги-ка, – окрикнул эльф бушующего орка, подошел к девушке и поднял чугунную цепь.

Один удар и чугунные змеи упали к босым ногам пленницы.

– Как зовут тебя, прелестница? – спросил эльф.

– Парася. Дочь сапожника Мухарта Лысого, – ответила девушка.

– Раздевайся, Парася, спасти тебя буду! – после небольшой паузы сказал эльф и раскинул перед девушкой плащ.

– Чего-о? – в один голос протянули девушка, и орк.

– Ребята, ну что тут непонятного? – нахмурился эльф. – Дракон же прилетает за красивой девственницей, так?

– Так, – кивнули двое других пленников.

– Значит, у девушки есть небольшой недостаток, который запросто может быть исправлен мужским достоинством. Так что... раздевайся! – эльф расстегнул ремень. – Когда дракон прилетит, то найдет тебя недевственницей, обидится и улетит прочь. Девственницы не будет, так что ужина тоже. Ты спасешься, нам откроют утром дверь. Многоходовочка... Причем логичная и самая легко осуществимая.

– А по-другому нельзя? – с сомнением спросила девушка.

– Можно, – буркнул орк, – можно тебе нос сломать и уши оборвать, тогда ты будешь не самой красивой девственницей этого города.

– Да?

– Да! – хмыкнул орк и улыбнулся одной из своих фирменных улыбок, от которых у людей стыла кровь, а у коров сворачивалось в вымени молоко.

Девушка вздохнула и начала развязывать поясok на платье...

История третья, в которой не все эльфы оказываются одинаково полезны

Парася чуть подтянула подол, поднимая его до коленей, но в следующий момент передумала. Конечно, умирать тоже не хочется, но и отдаваться первому встречному? Даже без песни под окном? И без жарких перешептываний на сеновале?

– Может, вы споете серенаду или балладу какую? У меня всё же это первый раз...

– Милая, у нас мало времени. Я спою... потом... если захочешь... а сейчас ложись и получай удовольствие.

Девушка опустила подол и отвернулась, демонстрируя полную готовность плюнуть на всю выпирающую страсть эльфа. Похоже, что она предпочла его огненную похоть смерти.

Эльф поднял глаза к безоблачному небу, как будто задал вопрос древним богам. Кто их разберет – этих девушек? Ей выход предложили, а она...

– Похоже, что твоя услуга пришлась не ко двору. А дай я ей нос сломаю! – подскочил орк.

– Не надо, Траргок, я справлюсь сам. Нет такой девушки, которая не раздвинула бы ноги перед Мирралатом, – хвастливо заявил эльф и продолжил раздеваться.

– А те семеро красавиц из Новарута?

– Не считается! Они любят только женский пол.

– А те двое из Стоунтауна?

– Тоже не считается – они дали обет воздержания, и я не мог преступить через истинную веру.

– А старуха из Тропотану?

– Отвернись, мой друг, и не смущай своим присутствием юную деву! – не выдержал эльф.

Девушка всё так же стояла, повернувшись к стене, когда сильные мужские руки обхватили её и твердые ладони легли точно на сочные возвышенности, предназначенные для кормления детей. Она попыталась вырваться, но не тут-то было. Эльф двинул коленями под её коленные чашечки, и Парася потеряла равновесие. И надо же было тому стать, что шлепнулась как раз на расстеленный плащ.

– Вот, половина дела сделана, а дальше – дело эльфийской техники, – хохотнул эльф.

Девушка попыталась вырваться, убежать прочь, сорваться с места...

И в то же время ощутила, как ей хочется поддаться этому сильному телу, перевернуться на спину и сжать в объятиях красивого остроухого мужчину, как хочется впустить его в себя...

Мужской смех превратился в подпрыгивание, когда он вытянулся на ней. Его природное оружие, будто копье из мифрила, толкнулось в неё сзади через ткань платья. Парася поползла прочь, потеряв голову от ощущения того, какое эльфийское копье огромное – как оглобля от хорошей телеги. Да разве уползешь из-под двухсот фунтов эльфийского обаяния...

Мирралат не щадил нежные девичьи чувства – окольцевал мускулистыми руками, прижимая её слабые руки к бокам. Он двигался взад-вперёд, тёрся о расселину между половинок её зада и рычал на языке, который Парася не могла понять. То ли ругался, то ли шептал страстные непристойности. В какой-то момент девушке даже показалось, что на ней ерзал орк, но нет, зеленый воин отвернулся к двери и внимательно изучал механизм. А она...

– Отпусти меня! Пусть лучше сожрет дракон, чем трахнет какой-то вонючий эльф! – сорвалось с женских губ.

– Ну да, не помылся! – пыхтел эльф на ней. – Но я же не знал, что придется спасать невинную девицу.

Эльф скользнул рукой между жарким телом и землёй, просунул ладонь между волосатых ног. Парася вскрикнула от такого сокрушительного интимного прикосновения. Каждая

частичка в её теле пробудилась от резкой, жаждущей опустошенности. Разгоряченные мускулы внутри неё сжали пустоту и отчаянно потребовали стать наполненными.

– Пусти!

– Нет. Дракону не достанется такая прелестница! – воскликнул эльф.

Его вес столь тяжел, что Парася едва могла дышать. Мужские губы скользили влажными пиявками по легким волоскам на шее. Когда его зубы сомкнулись на гладкой коже в маленьком любовном укусе, Парася снова закричала от страсти.

Она почувствовала себя предельно возбуждённой, обжигающей, испытывающей боль и нужду. Его ладонь коснулась её лица. Средний палец скользнул между мягких губ, и она всосала его, как всосала бы что-нибудь другое, не менее твердое. Огурец, например, или баклажан...

Другой рукой эльф задрал подол платья, а твердые пальцы безжалостно принялись исследовать беззащитные нежные складки, плавно скользя по влажной коже и поглаживая подающееся навстречу жаркое тело. Буйная растительность не смущала эльфа – он ночевал на сеновалах хоббитов. В то время, как его каменная мужественность толкалась в женский зад, он ввел палец во влажную ложбину и глубоко вонзил его.

Парася вскрикнула и надавила на его руку. Да, о, да – это то, в чём она нуждается! Слабые, прерывистые звуки слетели с её губ, когда он умело проскользнул в неё вторым пальцем, и достиг девственного барьера.

Нежно, но твердо, он пробился сквозь тонкую пленку, одновременно покрыл женскую шею и плечи обжигающими, жадными поцелуями, мешая их с маленькими укусами. Он порвал ту преграду, благодаря которой девушка оказывается здесь.

Боль была вовсе не мимолетна, как о ней рассказывали более взрослые и опытные подружки. Это было не "чик! и всё". Боль обжигала, она раскаленным металлом заливала полость внизу живота.

– Пусти меня! Как же больно! Ой, мама, роди меня обратно!

– Тихо-тихо, милая, сейчас все пройдет.

Эльф снова зашептал что-то на незнакомом языке, и от звуков ласкового голоса раскаленный свинец внизу моментально остыл. Боль сменилась на сладкое наслаждение от пальцев,двигающихся внутри неё. Горячий рот обжигал её кожу, мощное тело двигалось сверху взад-вперед. Остроухий оказался той самой сокровенной фантазией, превратившейся в реальность. Парася боялась признаться даже самой себе, что мечтала об этом моменте, о мужчине, овладевающим ею так, словно нет на земле той силы, которая может это предотвратить.

«Ничто не может!» – возник проблеск мысли. – «Ничто, кроме дракона!»

С того момента, как она заметила эльфа в приоткрытую дверь, она знала, что это случится. Возможно, это от многочасового нахождения под солнцем, но она почему-то знала, что он будет её первым мужчиной. Она много слышала от подруг о том единственном проникновении, которое переводит из девушки в женщину. И жаждала этого... Думала об этом... Жаждала этого.

Эльф прижался, толстый и твёрдый, к мягким, нежным складкам, и с губ Параси слетел беспомощный звук. Она знала, что приближается тот самый, заветный миг, но боялась, что не сможет его принять.

– Кричи, милая, так будет легче, – напевал Мирралат на ухо, пробиваясь дальше.

– Я не могу, – всхлипнула Парася, когда он начал проталкиваться внутрь неё.

Его давление слишком сильное. Нет-нет, он разорвет её пополам...

– Тогда пой, – эльф отступил на тот маленький дюйм, что отвоевал у неё, обхватил талию рукой и попытался снова, медленно.

Хотя она отчаянно хотела заполучить его внутрь себя, тело противилось вторжению. Он слишком большой, а она слишком маленькая.

С едва сдерживаемыми проклятиями он остановился, потом сгреб плотные складки платья в кучу под её тазом и приподнял женскую попу выше и как раз под нужным углом. Затем мужское тело снова навалилось на неё. Правой рукой эльф обнимал её плечи, другой – бёдра.

Он терся взад-вперёд между влажных волос до тех пор, пока она не начала подаваться навстречу. В новой позе она чувствовала себя беззащитной и уязвимой, но откуда-то знала, что так легче будет войти в неё.

Когда она уже кричала что-то бессвязное, он втиснулся внутрь неё, чувствуя, как накачивается облегчение. Мужское дыхание с шипением вырвалось сквозь стиснутые зубы. Парася задыхалась, старалась изо всех сил вместить пронизывающую толщину его плоти.

Каждый малый дюйм вопил от наслаждения, когда он продвигался всё глубже. И когда она уже точно уверена, что он вонзился до упора, что она заполучила его всего, эльф с грубым рыком сделал последний рывок, ещё глубже, и Парася почувствовала себя кабаном, надетым на огромный трактирный вертел.

– А ты боялась, милая, – рокотал голос возле её уха. – Теперь я часть тебя.

Древние боги, он был в ней с того момента, как она впервые увидела его во сне. Правда, тогда он был мускулистым варваром, а не изящным эльфом, но это точно был ОН. Негодный вор, он взломал и проник в неё, взял право бесчинствовать под её кожей. Как она жила без этого? Без этой яростной, неистовой близости, без этого большого, сильного мужчины внутри неё?

Нормально вроде жила... Пока её не отдали на съедение дракону. Вот и храни после этого virginity. Цена девственности – быть съеденной на ужин с горошком и баклажанами...

– Я буду овладевать тобой медленно и нежно, но когда вознесешься на небеса, я буду насаживать тебя так, как надо мне. Так, как я мечтал об этом с того момента, когда впервые моё копьё поднялось к кронам вековых дубов! – шелестел эльф на ухо и продолжал, продолжал двигаться внутри.

Она хныкала в ответ, полыхая изнутри, отчаянно нуждаясь в том, чтобы он двигался, делал то, что обещал. Она хотела всего и сразу: нежности и дикости, мужчину и зверя.

– Когда я увидел тебя, беспомощную и в цепях, я хотел задрать твою юбку и заполнить тебя собой. Я хотел отнести тебя в дикие леса моего родного Эусвиля, держать тебя в моей постели и никогда, никогда не отпускать, – эльф урчал грубым рокочущим звуком.

Он переключился на язык, которого она не могла понять, но экзотический говор его хриплого голоса ткал чувственные чары вокруг. Он медленно выходил, заполняет её снова, пронзал длинными ударами, мягко пробиваясь вглубь. Его огромный размер будил нервные окончания в таких местах, о существовании которых она даже не знала. Парася ощутила, как новое неизведанное, но такое чудесное, чувство нарастало с каждым уверенным толчком. Однако в миг, когда она уже почти достигла пика острого наслаждения, он вышел, оставив её почти рыдающей от неудовлетворённого желания.

Мирралат вошел в неё снова, почти лениво, урча на незнакомом языке. Он выходил дюйм за дюймом, с мучительной неторопливостью до тех пор, пока она не начала хватать землю полными пригоршнями и пытаться раздавить камни. До тех пор, пока с каждым нежным толчком она не начала стараться изо всех сил выгнуться к нему под большим углом и удержать его внутри себя, так, чтобы, наконец, достигнуть высвобождения новых сумасшедших ощущений.

Какое-то время она думала, что эльф продолжает ускользать от неё, потому что он чересчур большой. Потом она поняла, что он намеренно сдерживал её разрядку. Положив руки на её бёдра, Мирралат прижимал её к земле всякий раз, когда она стремилась выгнуться вверх, не позволяя ей контролировать темп или взять то, в чём она нуждалась.

– Мирралат... пожалуйста!

– Пожалуйста, что? – урчал он ей в ухо, облизывая мочку.

– Дай мне взлететь под небеса! – захныкала она.

Он хрипло хохотнул, рука проскальзнула между её тазом и скомканной тканью под ним, проникла в волосатые складочки и дотронулась до напряжённого бугорка. Мирралат легонько стукнул по нему пальцем, и Парасю словно ударило молнией. С губ сорвался стон. Удар сердца, ещё два удара. Он нежно прикоонулся снова.

– Это то, чего ты хочешь? – спросил он бархатистым голосом.

Его прикосновение искусно, мучительно, настоящая пытка.

– Да, – задыхалась Парася.

– Тебе это необходимо? – легкое поглаживание.

– Да!

– Еще чуть-чуть, потерпи, милая, – эльф нежно коснулся подушечкой большого пальца её твёрдого бутона.

Парася хлопнула по земле ладонями и плотно закрыла глаза. Эти простые слова почти – но недостаточно, проклятье! – подтолкнули её к вожделенному краю.

Он прижал губы к её уху и прошептал страстным, чувственным голосом:

– Если я ещё раз выйду из тебя, то ты умрешь?

– Да, – сорвался стон с её губ.

– Это то, что я хотел услышать. Я – твой, и всё, что ты пожелаешь от меня, тоже твоё.

Мирралат повернул её голову в сторону и поймал ртом её губы в жарком поцелуе. Одновременно вонзился глубоко и продолжил вбивать свою плоть. Когда она выгнулась к нему, то его язык ворвался в ритме с нижней частью тела, проникающей в волосатый овражек наслаждения.

Напряжение, бурлящее в теле, неожиданно взорвалось, затопило её самым великолепным ощущением, какое доводилось когда-либо чувствовать. Возникла глубокая дрожь в самой её сердцевине, мышцы живота завибрировали короткими судорогами. Она выкрикнула его имя, пока взлетала на вершину блаженства.

Мирралат продолжил равномерно вонзаться, пока она не ослабела под ним и пока стиснутые кулаки не превратились в расслабленные ладони. Эльф потянул её бедра вверх и на себя, поднял на колени, и снова вонзил в неё свою плоть. Тяжесть шариков в кожаном мешочке с силой ударилась о горячую, ноющую кожу. С каждым пронизывающим ударом она всхлипывала, неспособная сдержать надсадные звуки, слетавшие с её губ.

– Ах, боги, – простонал эльф.

Перекатившись на бок, он обхватил талию Параси и сжал так сильно, что она едва могла дышать. И вонзался, вонзался. Его бедра мощно выгибались под ней. Он двигался всё быстрее и быстрее. Парася почувствовала, что уже знакомое сладкое чувство снова начало накрывать её с головой, растворяя в страсти и чувственном огне.

Он выдохнул её имя, когда начал извергаться, и надрывная нота в голосе, на пару с рукой, так ласково двигающейся между ног, ввергнула её в ещё один стремительный полет к небесам. Когда она достигла мягких облаков, то края тьмы нежно сомкнулись и швырнули девушку в пучину сладостной бури. Судороги мужчины и женщины слились в один мощный танец желания и сладострастия. Сдвоенный стон разорвал голубое небо.

От взора городских жителей была скрыта причина криков, но вряд ли нашелся бы в городе глупец, который не понял, что за толстыми стенами жертвенника творилось что-то не то.

Когда же Парася отходила от мечтательной полудрёмы, эльф находился всё ещё в ней. И всё ещё твёрдый.

– Кхм-кхм, – кашлянул орк. – Я понимаю, что вы оба настрадались и наконец-то дорвались до вожделенного занятия. Однако, мне только что пришла в голову одна очень нехорошая мысль. И теперь я её думаю...

– Траргок, меня всегда пугает эта фраза, когда она исходит из твоих уст. Не томи, выплесни мысль, как я только что выплеснул напряжение в сладкое лоно этой юной девы.

– Да вот в чем дело-то. Дракон должен прилететь за прекрасной девственницей, так?

– Да, но он в этот раз улетит ни с чем. Девственницы-то и нет.

– Нет, обнаженный друг мой, сверкающий голым задом. Дракон прилетит за обещанной добычей и сейчас под определение прекрасной девственницы попадаешь именно ты.

– Что? – икает эльф.

– Ну да, я мало подхожу на роль прелестницы, а вот ты можешь проклясть свою смазливость. Твой зад же девственен? За свой я поручусь головой. Так что сейчас мы тут единственные девственницы в жертвенном доме... И мы в ловушке.

Парася почувствовала, как эльфийская решимость внутри неё становится мягкой и, в конце концов, выскользнула с тем самым звуком, какой возникает, когда выдергивают плотную пробку из кувшина. Она с трудом повернулась, её тело всё ещё содрогалось от редких сладких судорог.

Мирралат уже не казался таким мужественным. У него жалко обвисли не только волосы на потном лбу. Он натянул штаны с самым задумчивым видом, на который способен только что удовлетворившийся эльф.

– И что же нам делать, Траргок? Само собой, что я никому не позволю лишать меня девственности... Но и помирать не хочется.

Орк отвернулся от стены, на которой сам с собой играл в крестики-нолики, и пожал плечами. Парася тут же одернула платье, когда сальный взгляд зеленокожего скользнул по волосатым ногам.

– А ведь всё моя доброта. Эх, знал бы заранее... – с тоской промолвил эльф и в этот момент небо потемнело.

В воздухе раздался шум, как будто паруса захлопали под порывами ветра. Вот только откуда парусам взяться на суше?

История четвертая, в которой разочарование сменилось ещё большим разочарованием

– Эй, бабочка-переросток! Куда ты нас несёшь? – крикнул эльф после того, как сплюнул очередного залетевшего в рот комара.

Дракон не ответил. Его зеленые кожистые крылья величаво вздымались и опадали, толкая огромное тело вперед. В чешуйчатых лапах были зажаты двое. Вряд ли стоит уточнять – кто именно?

Орк, в соседней драконовской лапе, сложил руки на груди и теперь молчаливо наблюдал за проплывающими верхушками деревьев и голубоватыми кляксами озер. Он молчал, как отросток вереска в темную ночь на склоне оврага. Он был крайне оскорблен и раздосадован тем, что дракон даже внимания не обратил на его потуги в городской ловушке.

А ведь Траргок старался! Ещё как старался!

Он просто превратился в берсерка и мог гордиться собой, если бы не тщетность всех усилий. Когда дракон спустился в их странное пристанище, то орк успел три раза ударить по изумрудной лапе, прежде чем секира сломалась. Потом Траргок попытался отгрызть средний коготь, но это все равно, что кусать щит у грязного гоблина – негигиенично и невкусно.

Зеленокожий воин попытался пнуть уток, когда дракон пролетал мимо стаи, но утки оказались умнее орка. Они отлетели на недоступное расстояние, показывали крыльями оттопыренные средние перья и хором кричали над неудачниками. Орк ещё успел удивиться – откуда эти летающие твари узнали знак публичного дома, где эльфа постарались...

– Эй, а ты знаешь – кто такие драконы? Это те же петухи, только гребень во всю спину! – закричал эльф, но безуспешно – дракон не обернулся на его оскорбления.

А ведь Мирралат так хорошо спрятался за Парасей и успешно попал пару раз камнями в левое крыло кошмарной зеленой твари.

Нет, он попал не в руку орка, а в крыло дракона – если кто не понял. Не в орка – в дракона.

Увы, его прятки ни к чему хорошему не привели. Дракон вытащил истошно орущего эльфа из-за спины девушки, отвесил щелбан и сграбастал бессознательное тело железной лапой. Орку пришлось дать три щелбана и один пендель, чтобы тот успокоился и сделал вид, что расслабился. Потом дракон взмахнул крыльями и поднялся в воздух, оставив ошеломленную Парасю на земле.

– Траргок, чего ты молчишь? Плюнь ему хотя бы на хвост, а то чего я один стараюсь?

– Я не хочу. Я силы берегу.

– Для чего? Всё равно с ним не справишься. Вон, даже секиру сломал о чешую.

– Да я для тебя берегу. Прежде, чем эта ящерица с крыльями нас сожрет, я постараюсь отвесить пару оплеух между острыми ушами.

– А я-то тут причем?

– А при том! При всём при том. Надо было к жене идти, так нет же – опять поддался на уговоры придурковатого эльфа. И что? Где я сейчас?

– В лапе дракона? – подсказал «придурковатый эльф».

– Это пока я в лапе, а потом буду в полной заднице. Сожрет он нас и не закашляется. Пройду через желудок и окажусь в чешуйчатой жопе... Глянь на его клыки – это же мечи, а не зубы. И почему я снова тебя послушался?

Ветер задорно свистел в ушах. Крылья мерно работали, морда дракона не поворачивалась к добыче – дракон летел к замку.

– Ох, оставь свое нытье. Орк ты, или не орк? Соберись, тряпка зеленая. Умри, как подбает представителю твоего племени. Вспомни, что орки – гордый и непокорный народ! Ты

сможешь ещё совершить геройский поступок. Слушай сюда, – эльф перешел на еле слышный шепот. – Пока ты его будешь отвлекать, я смогу убежать и всем рассказать о твоём великом подвиге. Ты будешь воспет в веках, твоим именем будут называть сыновей королей!

– Подожди-подожди, то есть как ты сможешь убежать? А я? А как же я?

– А что ты? Тебя высекут! На центральной площади.

– Как высекут? Да я никому не позволю себя сечь!

– Да из мрамора тебя высекут, зеленая пустая голова. Из мрамора!

– Нет, если мы начали с тобой это дело вместе, то и доведем его до конца. Умрем вместе и я даже поделюсь с тобой кусочком мрамора. Небольшим, как раз, чтобы обрисовать твоё участие в нашем походе. Пусть тебя посадят ко мне на плечо, как блоху.

– Как блоху? Меня? Эй, курица в немодных чешуйках, сбрось комок этой зеленой слизи вниз. Пусть подумает над своим поведением, пока не грохнется со всей дури, и клыкастая башка не провалится в задницу.

– Слышь, сюда иди, дохляк остроухий. Да я тебя сейчас...

Страсти разгорались не на шутку. Сейчас, перед лицом смерти, друзья решили высказать друг другу всё, что накопилось на душе за время их знакомства. Когда слова кончились, то они перешли на плевки. Увы, ветер относил капли влаги, и они в основной своей массе ложились на хвост дракона.

Когда и слюна закончилась, то друзья начали показывать друг другу знаки, по которым можно было понять, что они думают о родственниках, ориентации и половой принадлежности оппонента.

– Милостивые господа, успокойтесь, пожалуйста. Нам немного осталось до моих апартаментов. Когда долетим, то я дам вам возможность сойтись в философском диспуте, если уровень агрессии у вас продолжит превышать допустимую норму, – к паре повернулась голова дракона.

Морда дракона была усеяна небольшими бугорками, рожками и изумрудной чешуей. Голубые глаза с продольным зрачком взглянули сперва на одного, потом на другого дебошира.

Орк и эльф настолько поразились голосу, а главное – разговорной речи рептилии, что совершенно забыли о тех знаках, которые только что с охотой демонстрировали друг другу. Причем, орк намекал, что в роду эльфа был не один десяток гоблинов, а эльф откровенно заявлял, что тролли протоптали широкую дорожку к ложу мамыши Траргока.

– Так чего ты раньше молчал, когда я тебя звал-то? – не выдержал Мирралат

– А раньше вы мне не мешали. Теперь же вы начали двигаться и щекотать внутренние подушечки лап. Если вы не перестанете, то я не сдержу смех, и вы можете упасть.

Ни у орка, ни у эльфа не возникло желания навернуться с сотни футов на голые скалы, которые тянули изломанные края вверх, словно приглашали шлепнуться в их каменные объятия и забыться. Эльф крепче схватился за чешуйчатый палец лапы, чтобы иметь возможность ещё на чуть-чуть продлить жизнь, если вдруг дракон надумает сбросить балласт.

На горизонте вынырнули острые шпили замка. Черные и неприступные, подобные женщинам-дикаркам из пустынь Джаранта. Вокруг замка красовались неприступные рвы и бездонные пропасти. Только птицы смогли бы попасть в этот замок, люди же будут вынуждены вернуться обратно, если вдруг кому пришла бы в голову сумасшедшая мысль прийти сюда по собственной воле.

Орк мрачно посмотрел на эльфа – и как у этого ушастого получилось уболтать его?

С каждой секундой вырастала громада из камня. Дракон взмыл влюбленным голубем над замком и пикирующим соколом упал на гранитные плиты. Эльф зажмурился от ужаса, а орк, наоборот, выпучил глаза, чтобы встретить смерть с достоинством.

Орки никогда не страшатся смерти! А кто страшится, тот не орк!

В племени Трагарока даже специальное упражнение было на развитие бесстрашия, когда всё племя выходило на площадку перед взором старейшин, начинало прыгать и в один голос орать: «Кто страшится – тот не орк!!!»

Дракон в последнюю минуту вышел из пике и разжал лапы. Мирралат и Траргок покатались по брусчатке внутреннего двора, а дракон взмыл вверх и уселся вороной на серую стену. Из-под могучего тела вырвалась и разбилась о камни скорлупка черепицы. Рыжие крошки брызнули в лицо эльфа.

– Вот же ящерица с крылышками... Чтобы тебя приподняло и прихлопнуло. А ну, спускайся, и я тебе морду выправлю! – завопил орк, когда пришел в себя после падения.

Дракон фыркнул, отчего из его пасти вырвался небольшой огонек. Впрочем, огонек потух, даже не долетев до земли.

Эльф вскочил на ноги и оглянулся по сторонам. Во дворе разбросаны щепки от разбитых телег, несколько коровьих черепов, кости, над которыми вились мухи. В стене каменной стены была коричневая дверь, и она открылась. На воздух вышел небольшой гном с длинной бородой, которая волочилась за ним и отчаянно цеплялась за всевозможный мусор.

– Кого ты притащил, Саругас? – скрипучим голосом спросил гном, когда подслеповато сощурился на пару.

– Многоуважаемый маг Дристанал, я принес двух девственных двуногих. Ты обычно прошишь одного, а тут сразу две особи будет. И тебе в помощь пойдут и нам больше золота за них заплатят. В интеллектуальном плане их развитие далеко до совершенства, но осмелюсь предположить, что ты сможешь воспитать из них прекрасных представительниц человечества, – пророкотал дракон со стены.

– Эй, недоростыш, а ну-ка скажи своей дуре чешуйчатокрылой, чтобы она освободила принцессу Эслиолине, дала нам по мешку золота и тогда мы вас помилуем, – выступил вперед эльф.

Орк в очередной раз настолько поразились наглости друга, даже забыл о том, что недавно хотел поколотить его.

– Это же... это... МУЖЧИНЫ! – завопил гном, когда ему удалось разглядеть физиологические особенности пришельцев.

– А мне-то что? – возразил дракон. – Они были в той чаше, они были девственны. Вот я и захватил обоих.

– Неси их обратно! Нам нужны женщины! – ещё громче завопил гном в сиреновом фартуке.

Отнести обратно? И топтать собственными ногами?

Ну уж нет!

Эльф сделал кошачий прыжок и оказался возле мелкого бородача. Мастерски произвел захват бороды. Сморщенное личико задралось вверх, а в горло уперлось лезвие засапожного ножа. Гном испуганно икнул и не менее испуганно пукнул.

– Ты меня плохо слышишь? Я могу повторить громче: скажи своей ящерице, чтобы она освободила принцессу Эслиолине, дала нам по мешку золота и только тогда отнесла обратно. Что непонятного? Или я многого прошу?

На фоне овсяных облаков дракон застыл зеленой уродливой кляксой, будто в тарелке с кашей завелась плесень. Он смотрел на своего хозяина, которого держало за бороду непокорное существо. Такое впервые на его памяти. Обычно двуногие с длинными волосами долго и упорно плакали, потом начинали прибираться во дворе, а затем его хозяин с выгодой продавал этих двуногих как послушных жен. Теперь что-то явно пошло не так.

Но что?

В том месте, где дракон обычно забирал девственных существ на сей раз было трое. Одна особь недавно лишилась девственности, а вот две других...

– Подожди, о каком золоте ты говоришь? – проскрипел гном.

– Как о каком? О золотых горах дракона. Так поют барды в тавернах. Тут ещё должна быть красавица Эслиолине, так что давай-ка поторапливайся, – прикрикнул эльф на него.

– Дурни! Ох, какие же вы дурни. Я сам и придумал эту легенду, чтобы приманивать легкомысленных рыцарей, у которых под шлемом пустота между ушей. Сказать, сколько доспехов я снял с неудачников, которые пытались карабкаться по моим скалам? Доспехи всегда в цене... Но никакой принцессы и в помине нет. Так что зря вы тут появились.

– А золото? – рыкнул орк. – Золото-то есть? Или ты тоже скажешь, что это всё легенды?

– Какое золото? Ты что? Мы с Саругасом концы с концами еле сводим. Вот он забирает девственниц, чтобы я их обучил домашним делам, подготовил и потом продал... то есть выдал замуж за шейхов пустынных песков. Тем и перебиваемся. И девчонки рады, что живут во дворцах, а не в своих клоповниках, и нам на хлеб с мясом хватает. А вы... Кому я вас отдам? Нет пока таких извращенцев. И золота тоже нет.

Орк со зловещей улыбкой посмотрел на эльфа и медленно потянул из своего сапога широкий нож. Лезвие плюнуло солнечным зайчиком в глаза Мирралата, и тот вздрогнул. Он вспомнил – о чем был договор и почувствовал шевеление волос на голове. Возможно, они шевелились в последний раз. Гном понемногу отодвинул руку от своего горла и вырвался из крепкой хватки.

– Глупцы! А теперь Саругасу снова придется лететь за девственницей в Буанакхист. Мы теряем время, каждая секунда равна песчинке золота. Саругас, отнеси этих бугаев обратно и принеси девственницу. Женщину! Запомнил? Женщину-девственницу! – с этими словами гном отвернулся и направился обратно в замок.

– Ты врешь! Гном, ты нас обманываешь! Трагарок, ну видно же – он нас обманывает, а на самом деле скрывает сокровищницу! – воскликнул эльф, когда вновь наткнулся на зловещую ухмылку орка.

– Нет, не вру. Вы можете облазить все подвалы и все башни замка. Давайте, я подожду, но постарайтесь недолго, – пожал плечами гном.

С быстротой равнинной лани эльф влетел в дверь. Следом за ним прогрехотал орк. Кровавая ухмылка так и не покинула его клыкастую рожу. Острый нож поблескивал в лапище.

– Скажите, хозяин, я правильно понимаю, что их половая принадлежность делает их непригодными для наших мероприятий? – на дворик спустился зеленый змей.

– Да, Саругас. В следующий раз постарайся не ошибаться... хотя бы проверяй на наличие сисек.

– У того, зеленого, тоже большие грудные мышцы, их вполне можно принять за развитые молочные железы.

– В общем, приноси женщин и всё тут. Не будет девственниц – сожги пару домов, и они найдутся. Что там за крики?

Издали донесся дикий визг, как будто кто-то снимал шкуру с живого кабана. Визг был настолько громкий, что даже дракон не смог удержаться от вздрагивания. Гном побледнел и отшатнулся.

– Что это, Саругас? – прошептал гном, взглянув в темноту дверного проема.

– Может, гости привидения испугались?

– Так нет у нас привидений.

– Многоуважаемый маг Дристанал, пока я летел сюда, то заметил, что эти двое хотели убить друг друга. Не исключаю вероятность, что теперь у нас появилось привидение.

– Вот только этого нам не хватало. Я же боюсь мертвяков. Зачем ты их сюда притащил? – простонал гном, когда темную суровость замка сотряс очередной визг.

Дракон предпочел промолчать. С тех пор, как гном отбил полумертвого юнца с крыльями у стаи волков, он дал клятву вечно служить этому бородатому. И это была его первая неудача.

Или даже две неудачи. Пара закадычных друзей вскоре показались во внутреннем дворике, причем эльф сверкал бритой, с порезами, головой, а орк вытирал пучком белых волос слегка окровавленный нож.

– Можем отправляться, – пробурчал орк.

– Поехали, – сказал эльф и махнул рукой.

– Запомни, Саругас, женщину! Ты должен принести женщину! – заорал вдогонку гном, когда дракон взлетел с двумя пассажирами в лапах.

Дальнейший путь проходил в полном молчании, лишь эльф иногда трогал лысую голову и морщился, когда касался порезов. Возле города Бунахиста дракон швырнул их на землю и унесся наводить страх и ужас на горожан.

Эльф и орк брели обратно в полной тишине. Прошел день, а настроение не улучшалось. Мрачное небо отражало настроение обоих. Орк предвкушал возвращение к жене и возможные побои, а эльф думал о насмешках со стороны своих сородичей. Они почти подошли к тому месту, где остроухий и зеленокожий изображали бой не на жизнь, а на смерть.

– Мирра-а-алат!!! – пролетел над степным ковылем девический голос. – Тьфу, то есть Масу-у-у-уд!!!

Эльф вздрогнул и обернулся. К нему летела, расставив в стороны руки и растопырив пальцы, эльфийка, которую все соплеменники знали под именем Джулайли.

И только он знал её под именем Гуля!

И он знал, что нужно делать! Что необходимо сделать!

Эльф бросился к ней навстречу, на ходу срывая с себя одежду. Неужели так всё просто и они сейчас вернутся обратно? Вернутся в парк? Они должны успеть!

Вот только провидение думало иначе и ещё один валун, сорвавшийся от звонкого голоса эльфийки с горы, сшиб эльфа, словно кеглю в боулинге. Легкое тело отлетело на стоящий невдалеке вяз и запуталось в ветвях. Тело материлось, брыкалось, но не могло спуститься.

– Да как так-то? – повернулась к орку эльфийка.

– Курлык, – развел тот руками прежде, чем исчезнуть в слепящей вспышке.

История пятая, в которой напарник может стать помехой

Чертов мегаполис словно был создан для продажных полицейских и беспринципных шлюх. Он кишел ворами и убийцами, как лежбище бездомного – клопами. Обычному человеку, который хочет прожить спокойную и тихую жизнь, нечего делать в этом издыхающем городе.

Коффин-сити огромным спрутом раскинул щупальца ужаса в разные стороны и проник своей гнилью в отдаленные уголки сознания людей, заставляя каждый прожитый день принимать как подарок на Рождество. Сын боялся отца, отец опасался сына и при его появлении хватался за пистолет. Мать сменяла дочь на захлавленной «панели», полной похоти и боли.

Детектив Джулиан Лав уже седьмой день подряд приезжала и занимала пост напротив старого особняка, где возле чугунной решетки недавно нашли рыжеволосую девушку без сознания. В больнице девушка что-то лепетала про страшного вампира, который трахает всех без разбора, да и на шее у неё краснели два отверстия. Правда, гораздо больше дырочек у неё было на локтевом сгибе, поэтому ей не очень-то и поверили.

Кто в наше время верит обдолбышам-наркоманам?

Старший инспектор Джувс четко сказал, что молодой наркоманке всё привиделось и не стоит отнимать время у полиции. Сказал, что у полиции и так много дел без поисков какого-то мифического вампира.

Много дел...

Пончики жрать у них время есть, обсуждать измены с молодыми любовницами, курить воюющие сигары до тех пор, пока дым из задниц не пойдет – время есть, а найти нападавшего – на это как раз времени не хватает.

Старый забор своими дырами напоминал платье бездомной бродяжки. Именно возле этих полуупавших ворот двадцать лет назад нашли девочку по имени Джулиан. Будущий детектив Лав пыталась разбудить пару, уснувшую вечным сном. У её отца и матери тоже нашли дырочки на шее. Кто-то выпил их, как пакетики с томатным соком, и выбросил оболочки на улицу. Тогда тоже у полицейских не нашлось времени...

Детектив Лав чуть опустила стекло и сплюнула горькую слюну. Следом полетел окуроч, обгоревший почти до фильтра.

Сколько ей ещё придется морозить зад?

Как сейчас было бы хорошо очутиться в баре у старого Майкла, пропустить пару рюмок виски и кому-нибудь навешать от души добрых плюхов.

Чем хорош тот бар – всегда найдутся громилы, которым захочется отыметь худенькую и беззащитную на вид блондинку. Вот только не всегда их успевают предупредить, что у девушки есть черные унты по борьбе нанайских мальчиков. Инспектор Джувс с укоризной посматривал на сотрудницу, когда в последствии читал доклады о разбитых мордах, сломанных руках и раздавленных яичках. Она же в такие моменты скользила взглядом по трещинам на потолке его кабинета.

– Детектив, я принес ваше эспрессо, – на соседнее сиденье плюхнулся Том Бэйб.

Джулиан Лав сначала отнекивалась, когда в напарники ей выделили этого жирного недотепа. Потом начала ругаться и уже в тот момент, когда она была готова перейти к рукопашной, инспектор стукнул ладонью по столу и сказал, что ему надоели женские прихоти. Или она кладет значок на стол, или обучает пухлого мерзавца. Отец этого жирного недоразумения был отличным полицейским, жаль, что не дожил всего пару дней до пенсии – подавился пончиком,

когда соревновался в поедании на скорость со своим напарником. Из-за заслуг отца приняли на работу и сына...

– Скажи-ка, Том, тебе нравится работать в полиции? – спросила детектив, когда отхлебнула обжигающую приторно-горькую дрянь из стаканчика.

– Да, детектив. Я хочу быть таким же, как и мой отец, – ответил Том и развернул тройной гамбургер.

Он как можно шире открыл огромную пасть, похожую на Тугарский тоннель, и до половины запихал туда безобразно-калорийное сооружение.

Девушка едва не захлебнулась кофе, когда увидела, как из гамбургера выполз соус, напоминающий по цвету «детскую неожиданность». Если раньше желудок просил чем-нибудь его наполнить, то сейчас он вдруг резко захотел выплеснуть кофейную бурду наружу. Детектив с трудом справилась с желудком и отвела взгляд обратно на особняк.

Если можно представить более мрачное здание, чем заброшенный склеп на проклятом кладбище, то это будет именно особняк Попеску. Фасад его настолько отчаянно требовал ремонта, что рассыпался и обнажал кладку, отплевываясь ошметками штукатурки. Словно дряхлый старик вытащил вставную челюсть, бросил её в стакан с отбеливателем и теперь подставлял свету луны беззубые десны. Хищные плети плюща карабкались вверх, стремились погрести под собой старинную громаду. В крыше виднелись огромные прорехи, будто над особняком прошел метеоритный дождь.

Полуразбитые витражи блестками отражали свет уличной рекламы, арбутаны напоминали удивленно вскинутые брови. Декоративные башенки угрожали в любой момент накреститься и рухнуть на головы глупцов, которым придет в тупые головы намерение зайти в дом.

– А пошему мы ждешь шидим? – прошамкал Том, заплевывая крошками торпеду старого «Бьюика». – Пошему не идем в ошобняк?

Как объяснить в двух словах тупому куску сала, что они не могут пробраться туда без ордера?

Хоть особняк и выглядел заброшенным, но в нем иногда сверкали огоньки свеч и виднелись скользящие тени. Да и налоговые отчисления, которые регулярно поступали в казну, не давали детективам права влезть в дом без позволения хозяев. Должен быть веский аргумент и наличие преступления, чтобы развязать им руки и преступить закон о неприкосновенности частной жизни.

Детектив Джулиан вместила всё это в два слова:

– Том, отъебись!

Напарник пожал плечами и продолжил наполнять бездонный желудок жрачкой из дешевой забегаловки. Мрачное настроение Джулиан почернело ещё больше, когда начался дождь. Крупные капли дождя стучали по крыше «Бьюика», как по шкуре дохлого добермана.

Особняк размывался в потеках, но не становился красивее. Скорее наоборот, более чудовищное здание трудно себе было представить. Будто из земли вылез огромный черный опарыш и сейчас он дышал, растекаясь в каплях на лобовом стекле.

– Давай всё-таки зайдем? Скажем, что проезжали мимо и у нас сломалась машина, – проговорил толстяк, когда вытер жирные от соуса пальцы и выкинул остатки «легкого перекуса» на улицу. – Ты знаешь, что-то меня тянет в этот дом. Вот не знаю, как будто кто-то зовет туда.

– Заткнись. Смотри, кто-то идет!

По улице кралась фигура в серо-грязном плаще. Широкополая шляпа напоминала торшер для лампы и прекрасно скрывала лицо человека в тени. Он застыл на мгновение возле ворот, а потом...

– Черт бы меня побрал, Джули, ты это видела? – вырвалось у толстого Тома.

Видела ли она?

Конечно видела, как неизвестный оглянулся по сторонам, чуть присел и сиганул через забор, как долбанный кузнечик. Это явно было не просто так.

Детектив выхватила верную «Беретту» и выскочила на улицу. Кто же знал, что жирный Том тоже вытащит свое тельце наружу?

– Стоять! Полиция! – крикнула девушка, у неё не получалось поймать в прицел спокойно уходящую фигуру – мешал бритый затылок с тремя складками. – Том, чтобы тебя одним сельдереем кормили, а ну убери свою пустую тыкву, пока не наштиговала её свинцом!

Толстяк тут же присел, словно тройной гамбургер резко начал выходить наружу. Фигура безмятежно удалялась, не обернулась даже на выстрел в воздух. Похоже, что она плыла по воздуху и почти не касалась луж.

– Твою же мать! – сорвалось с губ детектива. – А ну стой, ублюдок.

Фигура подняла вверх правую руку и показала всем известный жест. Блестящей плетью сверкнула молния и жест стал виден более отчетливо.

– Джули, похоже, что он откуда-то знает, что у тебя давно не было бойфренда, – хихикнул присевший Том.

Если бы недотепа знал, насколько он близок ко встрече со своим отцом, то заткнул бы жирную пасть. Подумаешь – давно не было секса. «Не в сексе счастье», как говорил инспектор Джувс, – «а в его качестве и количестве!»

Но сейчас нельзя отвлекаться!

Надо преследовать хама, который позволил себе оскорбить сотрудника полиции!

Капли дождя намочили челку и теперь волосы полезли в глаза. Джулиан откинула непослушную прядь назад и бросилась к дому. Высокие военные ботинки разбили рябь лужи, и целая волна грязной воды окатила сидящего Тома. На его несчастье он повернул лицо. Грязь из лужи легла на его лицо раскраской дикого папуаса.

– За мной! – крикнула детектив Лав.

Раздалось грузное топанье за спиной.

Старые ворота впереди чуть скрипнули.

Рыжая от ржавчины цепь на створках покачнулась.

Джулиан ударила в правый створ и цепь порвалась, как колготки на заскорузлых коленях проститутки. Фигура не повернулась. Она была уже у двери. С пронзительным скрипом деревянная плоскость отошла в сторону, и неизвестный скрылся в темноте.

– Джулиан, дай передохнуть. Я никогда столько не бегал, – услышался свистящий голос Тома Бэйба.

– Мы пробежали всего двадцать ярдов. Как тебя вообще взяли в полицию? – прошипела детектив, когда увидела красную рожу напарника.

– Папа проташил, сказал, что бегать не придется. Только деньги снимать с проституток и брать свою долю с воров. Говорил, что так поступают настоящие хорошие полицейские.

– Заткнись, Том. Доставай свое оружие, мы сейчас пойдем внутрь.

– А как же ордер?

– Никак! Но выставленные средние пальцы в свою сторону я терпеть не намерена! Это оскорбление полицейского значка!

Дождь низвергался на полицейских с такой мощью, словно ангелы на небесах решили одновременно отлить и теперь старались попасть на двоих букашек внизу. Пальцы Джулиан крепче сжали рукоять «Беретты».

Очередная вспышка молнии осветила худенькое лицо детектива. Следом спешила круглая тарелка Тома. Лицо мужчины мокрое и не понять – от пота или от дождя.

Вблизи особняк выглядел ещё отвратительнее. Хмурые стены сверлили парочку мрачными провалами окон. В темноте проемов виднелись красные точки – словно лазерные указки... или глаза демонов из преисподней. Деревья оголились и красовались тощими про-

ститутками из борделя, когда перед ними вышагивал разборчивый клиент. Зеленые кляксы слизи поблескивали на ступенях, словно тут прошла рота больных насморком солдат.

– Я... сейчас сдохну, – выдавил Том, когда пара застыла у двери. – Похорони меня... возле булочной на Бигили-стрит. Там самые лучшие пончики...

– Соберись, толстяк! Мы возьмем этого ублюдка, и тогда ты затмишь даже своего прославленного папашу.

– Захожу, милая, – неожиданно выпрямился Том.

Струи чертового дождя хлестали по его лицу, но он словно их не замечал. Мужчина, который только что подышал от нехватки воздуха, теперь улыбался и даже пытался втянуть толстое брюхо.

– Ты чего делаешь? – прошипела Джулиан, когда Том бесстрашно схватился за ручку старой двери. – А ну отпусти сейчас же! Я войду первая!

– Ты не слышишь, Джули? Этот голос, похожий на райскую музыку, зовет меня. Она зовет меня...

На лице мужчины появилась улыбка блаженства, словно семь тайских массажисток одновременно делали ему минет. Детектив еле сдержала руку, чтобы не залепить напарнику хорошую оплеуху.

– Возьми себя в руки, Том! Нет никакого голоса.

– Есть, ты просто не слышишь. Ты слишком напряжена, Джули. Голос говорит, что я создан для любви и... она зовет меня. Я иду... пока, Джули.

Увы, как не пыталась худенькая девушка отцепить руки своего непутевого напарника, этот мешок сала оказался сильнее. Он с неожиданным проворством проскользнул внутрь дома, при этом оттолкнул Джулиан так, что та перелетела через ступени и шлепнулась в лужу и без того промокшей задницей.

Дверь с грохотом захлопнулась и изнутри послышался зловещий смех.

Этот смех преследовал Джулиан на протяжении последних двадцати лет. Он ей снился в кошмарных снах, когда она просыпалась от собственного крика, или оттого, что постель была мокрой. Это был смех гиены, которой наступили на яйца. Это был скрип ножа по стеклу, когда маньяк подходил к своей жертве.

Это был смех убийцы её родителей...

Забыта боль в пятой точке – её вытеснила ярость. Траурной вуалью злость закрыла глаза. Убийца там!

И Том там. А она снаружи.

– Держись, жирдяй! – крикнула детектив Джулиан.

Поскользнулась на слизи и разбила нос о ступеньку. Яркая вспышка перед глазами.

Боль?

Молния?

К черту всё. Сейчас нужно попасть внутрь и настигнуть хохотунчика. Арестовать этого смешливого мерзавца!

Дверь оказалась закрыта. Ручка настолько склизкая, словно её только что вытащили из болотного ила. Кулаки ударили в дверь. Капли дождя ударили по макушке. Сердце ударило в грудную клетку.

Дорога каждая секунда!

Неужели она потеряет и этого неуклюжего недотепу? Хоть он и толстый и крови в нем много, но долго он не продержится.

Раздался пронзительный крик! Такой можно услышать, когда кастрируют кота без наркоза. Неужели Тома тоже лишали мужской гордости?

Детектив Джулиан Лав недаром имела черные унты по борьбе нанайских мальчиков: бедра напружинились, икры превратились в камень. Толчок носками, и она взмыла свечкой

над ненавистной дверью. Череда быстрых ударов сделала бы честь безумному барабанщику, а ведь она ударила ногами.

«По перрону рассыпали горох» – так она называла свой коронный удар. Ни один мясной шкаф, полный дерьма и перегара, не мог устоять перед бешеным вихрем. Не смогла этого сделать и дверь. Дверь взорвалась, как от динамитной шашки. Щепки разлетелись в стороны, а черный проем двери посмотрел на детектива беспросветной темнотой.

Верный фонарик на мобильном телефоне чуть отодвинул непроглядный мрак. Детектив Джулиан набрала в грудь воздуха и шагнула навстречу неизвестности.

Неизвестность пахнула сырым деревом и ладаном. Темнота старалась окутать шелковым покрывалом, увлечь, усыпить и успокоить навеки...

Снова раздался зловещий смех, а следом послышалось женское пение:

– Милый малыш, глазки закрой. Ну что ж ты не спишь, ведь я рядом с тобой. Вытрани шейку, открой кадык. Гроб нам с тобою будет впритык. Сделаем в нем мы тык-тык...

Звуки раздавались откуда-то сверху. Глаза детектива начали привыкать к темноте, и она рассмотрела старинную лестницу с широкими ступенями. На ступенях темнел старинный ковер. Он стал ещё темнее, когда на него наступил военный ботинок Джулиан.

Яркая вспышка сначала ослепила, и под сомкнутыми веками вспыхнули обжигающие круги. Как от световой гранаты. Девушка отпрыгнула назад и выставила перед собой пистолет. Если вам приходилось выходить из темного подвала на яркое солнышко, то вы поймете состояние детектива в этот момент.

Ничего не происходило. Девушка часто-часто моргала, чтобы глаза привыкли к яркому свету. Сверху слышался веселый женский смех. С таким звоном хрустальные бусы могут рассыпаться по мрачному надгробию.

Глаза привыкли к яркому свету, и проклятье срывалось с губ детектива. Насколько отвратен и кошмарен дом показался снаружи, настолько же прекрасен он был изнутри. Джулиан словно попала в гребаную сказку про Золушку.

Огромная люстра под расписным потолком светила ярче тысяч солнц. Лучи плескались в декоративном фонтане слева от величественной лестницы с рельефными перилами. Красная ковровая дорожка скользила по мраморным ступеням, золоченые статуи ангелочков по бокам заставляли забыть о непогоде за спиной.

На полу раскинулась причудливая мозаика, изображающая огромную розу, стебель которой начинается в фонтане, а сам бутон раскинулся в центре. По задрапированным алой тканью стенами расположились картины незнакомых красивых женщин и смазливых мужчин.

– Я ждал тебя, дитя мое, – раздался сверху голос и детектив инстинктивно выставила «Беретту» по направлению голоса.

– Не двигаться, еб твою мать! Иначе мозги вышибу! – рывкнула она и замерла.

Такого красивого мужчину она не видела даже по зомбоящику, а там каких только мучачо не показывали. Высокий, худощавый, кожа слегка отдавала болезненной белизной, словно он только что вылез из мешка с мукой. Черные волосы зачесаны назад, и спускались толстой косой на белоснежную рубашку с оборками. О высокие скулы можно порезаться, кроваво-красные губы изогнуты в снисходительной улыбке.

Но самым поразительным на его лице были глаза – черные как первородный грех и завлекающие, как мираж оазиса в жаркой пустыне.

Тонкие пальцы легли на перила, и он начал спускаться.

Где же он делает маникюр?

Ногти длинные, словно только что сделал «френч». От него прямо-таки веяло аристократизмом и властью. Словно этот мужчина был рожден для того, чтобы повелевать армиями и разбивать женские сердца.

– Я знал, что ты придешь. Ты не можешь удержаться от моего зова, малышка, – довольно улыбнулся мужчина и девушка увидела, что два верхних клыка стали гораздо длиннее остальных зубов.

История шестая, в которой обольстительный вампир обольщает

Легким прыжком хозяин особняка оказался внизу, рядом с декоративным фонтаном. Ого, это же метра три, не меньше. А хозяин спрыгнул с той же легкостью, с какой спустился бы на ступеньку лестницы. Он присел на бордюр фонтанчика и опустил ладонь в прозрачную воду, холодную даже на вид. С загадочным выражением лица уставился на детектива.

Джулиан перевела ствол пистолета следом и почувствовала, что это действие дается ей с трудом. Словно она находится по шею в озере и сейчас преодолевает сопротивление воды. Мужчина улыбнулся и снова среди белых зубов показались два длинных клыка.

– Стой на месте, ублюдок, – скомандовала девушка твердым голосом, но из груди вырвался цыплячий писк.

Что с её голосом? Почему она не может скомандовать? Почему не может рявкнуть, как на преступников, которые порой мочились от звуков её рева?

– Стою на месте. Только я не ублюдок, а чистокровный граф и мой род уходит вглубь веков. Я потомок румынских королей, – мужчина говорил мягким, убаюкивающим голосом.

Он словно завораживал, заставлял кровь течь медленнее и снимал яростную пелену с глаз детектива. Джулиан поймала себя на том, что пистолет смотрел в центр розы на полу, а вовсе не в напояженную черепушку этого типа.

Когда она успела опустить ствол?

Что, черт возьми, происходит?

Какого дьявола тут творится?

– Твой долбаный род пойдет на члены демонов, а ты побежишь впереди и будешь показывать дорогу, если не прекратишь свои гипнотизерские штучки! – пистолет занял первоначальное положение. – Где мой напарник? Где Том?

– А ты про этого пухлого шалуна? Он наверху. Тычет стволом своего оружия в одну из моих жен. Если тебя это возбуждает, то мы можем присоединиться, – мужчина сделал приглашающий жест в сторону лестницы.

Откуда он догадался о возбуждении?

Судя по нервно подрагивающим ноздрям, он сумел его почуять. Да, у детектива Джулиан давно не было сексуального партнера. Однако вряд ли это повод так намочить тем лоскутам ткани, которые прикрывали низ живота. Хоть выжимай. И это не от дождя снаружи...

– Иди вперед и не вздумай шутить, кузнечик. Стреляю без предупреждения, – девушка махнула пистолетом в сторону лестницы.

Как же легко и пластично двигался этот мерзавец. Он словно специально напрягал ягодичные мышцы, четко обрисованные бархатистой тканью. Белая рубашка, черные брюки, белое лицо, черные глаза и единственной красной кляксой выделялись губы, искривленные в сардонической усмешке. Он поднимался по лестнице, а Джулиан шла за ним.

Золоченые ангелочки кривили злобные мордочки за её спиной, но она этого не видела. Люди с портретов тоже следили за идущей парой. Мозаика на полу поблекла, словно роза засохла и потеряла свою кровавую красноту.

Детектив поднялся на второй этаж и резко кивнула, когда мужчина остановился у резной двери. Золоченые вензеля скользили по черному полю и тянули тонкие щупальца к мастерски вырезанной розе. Цвет лепестков очень напоминал цвет губ мужчины, таких желанных, таких обольстительных.

Нет!

Джулиан стиснула рукоять, и небольшая боль отрезвила её. Хозяин дома вновь ухмыльнулся и толкнул дверь. С мягким шорохом та распахнулась и на несколько секунд детектив забыла как нужно дышать. Она помнила, что нужно втягивать этот грязный воздух, пахнувший потом и ладаном, но не могла себя заставить. То, чем занимался напарник, выходил за все рамки приличия.

Да, в полицейском участке не скрывали того, что иногда бесплатно пользовались услугами шлюх, рекомендовали друг другу. Передавали, как эстафетную палочку... вместе с сифилисом и гонореей. Да, были и такие кадры, которые рассказывали, как «утешили» молодую вдову и оттрахали её во все дырочки...

Однако, чтобы так...

– Том, мать твою, ты что делаешь? – взвизгнула девушка.

Увы, её визг пропал в шуме стонов и страстного дыхания.

Картина оргии развернулась во всей своей омерзительной сексуальности. Такого жесткого порно Джулиан вряд ли когда видела.

Рыхлые белые ягодицы Тома приподнимались и опускались между точеных ног обнаженной темноволосой красавицы. Он старался работать как поршень в двигателе, который загонял округлую головку в хорошо смазанный канал. Пузо хлопалось на плоский живот, приподнималось, чтобы через мгновение упасть обратно.

Скорость и громкость хлопков напоминала бурные аплодисменты, когда президент выступал с хорошими новостями. Если бы жирный недотепа с таким же рвением приступил к работе, то через месяц смог бы возглавить полицейский участок.

Красавица вопила под ним громче заводского гудка. Её острые когти царапали спину любовника. Из-под коготков возникали мелкие бисеринки крови, которую тут же слизывали ещё две обнаженные девушки.

Блондинка и шатенка.

Всю троицу красавиц можно выставлять на подиумах страны – успех моделям будет обеспечен. Тугие тела словно созданы для позирования художникам. Высокие груди заставили сглотнуть даже Джулиан. Упругие попки манят шлепнуть по ним. Джулиан ни разу не подозревала себя в лесбийских наклонностях, но сейчас ей мучительно захотелось оказаться наедине с этими обнаженными красавицами.

Но среди восхитительных тел шевелилась толстая личинка по имени Том.

Обстановка в комнате была слизана из исторических фильмов. Кровать размером с аэродром, над ней балдахин с тяжелыми золочеными кистями. Цветастые ковры на полу с таким высоким ворсом, что по нему можно пускаться вплавь. На стенах всё та же красная шелковая ткань. За витражными стеклами виднелись редкие всполохи молний. Редкие свечи в комнате добавляли сексуальности действию на кровати.

– Ты можешь присоединиться, малышка. По крайней мере, твой напарник сейчас счастлив. Неужели ты хочешь обломать самый восхитительный секс в его жизни. Эй, молодой человек, вам хорошо? – спросил хозяин дома у пыхтящего Тома.

– О-о-о, да-а-а, – сорвался стон с губ напарника, когда он продолжил шлепать пузом по животику лежащей темноволосой девушки.

Жирный зад методично поднимался и опускался. Теперь его оплетали ноги, и девушка пятками заставила Тома проникать ещё глубже. Стоны усиливались. Струйка слюны протянулась от обвислых губ Тома к щеке девушки.

Джулиан смотрела как загнипнотизированная. Внизу живота стало так жарко, будто села на голову. Продолжительный период без секса дал о себе знать и ей захотелось...

Захотелось оказаться на месте красавицы?

Она еле сдержала руку, чтобы не залезть в брюки и не заняться самоудовлетворением. Бюстгальтер стал слишком тесным для разбухших сосков. Нежная ткань показалась брезентом.

И этот напомаженный мерзавец улыбался...

Он сделал шаг по направлению к детективу и оказался рядом. Ствол пистолета уперся в твердую грудь. Его глаза пронизывали девушку почти так же, как жирный похотливый Том – одну из спутниц хозяина особняка.

– Позволь я представлюсь и назову своих милых женушек. Мое имя Милош. Милош Попеску. Та, которая находится под твоим напарником, Дэкиена. Беленькую зовут Ленута, а рыженькую бестию – Злата. Они очень рады вас видеть. Правда, мои хорошие? – повысил голос хозяин дома.

– Да-а-а, мы очень любим гостей, – промурлыкала блондинка и шатенка, продолжая слизывать мелкие бисеринки алой влаги с царапин на теле Тома.

– А о-особенно та-аких стра-астныхго-остей, – между толчками произнесла Дэкиена.

– Том, твою мать! Перестань трахать эту курицу и вспомни – зачем мы здесь! – вырвался у детектива тонкий вопль.

Том удивленно оглянулся. Заметил детектива Джулиан и на миг застыл. Всего лишь на миг, потому что Дэкиена толкнула его зад розовыми пяточками, и он вернулся к фрикциям. Его огромное хозяйство входило в блестящую щель почти полностью, а яички... если можно назвать яичками два помидора сорта «Бычье сердце» помещенные в резиновый мешочек... его яички шлепали чуть ниже.

«Он же ей синяк там наколотит» – почему-то вертелось в голове Джулиан.

– Я ве... веду допрос с при... с пристрастием, – ответил Том, продолжая «допрашивать» подозреваемую.

«Подозреваемая» стонала под тяжелой тушкой и продолжала царапать пухлую спину. Блондинка и шатенка скользили грудями третьего размера по коже Тома и по-кошачьи слизывали мелкие капельки. Все заняты делом, лишь детектив еле держался на подгибающихся ногах, да мужчина рядом с ней продолжал загадочно улыбаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.